

Матиас Вайс

Я
ТОТ,
КЕМ МОГ БЫ
СТАТЬ

Шансы развития в биографии
Из опыта биографического
консультирования

Я тот, кем мог бы стать

Mathias Wais

Ich bin, was ich werden könnte

Entwicklungschancen des Lebenslaufs

Aus der Biographieberatung

Stuttgart
edition tertium
1995

Матиас Вайс

Я тот, кем мог бы стать

Шансы развития в биографии

Из опыта биографического консультирования

Перевод с немецкого Дмитрия Корнилова
Под редакцией Елены Колуховой

Киев
НАИРИ
2021

УДК 159.923.2

В14

Автор обложки: **Галина Анненко.**

Вайс М.

В14 Я тот, кем мог бы стать. Шансы развития в биографии. Из опыта биографического консультирования. / Пер. с нем. Д. Корнилова под ред. Е. Колуховой. — К. : НАИРИ, 2021. — 240 с.

ISBN 978-617-7314-82-9

Матиас Вайс радикально рассматривает биографическое консультирование как поиск причин всякого жизненного кризиса и жизни вообще не в прошлом, а в будущем: не «что привело меня к этому?», а «куда это стремится?» — Поскольку именно так можно уловить действие истинного архитектора судьбы человека — его первообраза, его истинного Я.

Работа с собственной биографией и биографическое консультирование в наше время — это возможность на основе конкретных житейских вопросов и кризисов ощутить, чего именно хочет твое истинное Я, проходя через лабиринт жизни и одновременно конструируя его. Ведь современные биографии больше не разворачиваются предначертанными путями. Сегодняшнюю жизнь нужно вести, ища не прошлое, ставшее, а будущее, становящееся.

Как практик с огромным опытом живой работы автор показывает, в каких удивительных мелочах часто можно увидеть действие судьбы, дающей ухватить себя не столько в сенсационных потрясениях, сколько «с краешку», в неуловимых деталях. В последней части рассматривается, как биографический консультант, идя путем внутренних упражнений, приходит к пониманию индивидуальных биографий и как это понимание можно донести до человека, обратившегося за советом.

УДК 159.923.2

ISBN 978-617-7314-82-9

© edition tertium, 1995

© Издательство «НАИРИ», Киев, 2021

Содержание

От редакции.....	7
Введение. Об обращении с лабиринтом.....	8

Часть 1

1. Элемент будущего в сегодняшних судьбах и биографический кризис	14
2. Индивидуальный первообраз.....	24

Часть 2

3. Законы развития и их значение.....	40
Лунные узлы	40
Двенадцатый год жизни и двенадцатилетний ритм.....	46
Пяти- и десятилетний ритмы	47
О значении числовых соотношений.....	47
4. Средний возраст и его кризис	53
5. Значение семилетий.....	68
6. Четырехкратный Я-вопрос: о биографическом значении пубертата	73
7. Двойник	80
8. О действии духовных существ в биографии	88
9. Опыт о зле в биографии	97
10. Феномен затора	109
11. Феномен полярности.....	114
12. Феномен удвоения.....	122
13. О пошаговом вступлении события	128
14. Язык начала 1: сигнатура ситуации рождения	134
15. Язык начала 2: значение ландшафта рождения	144
16. Язык начала 3: первый момент встречи.....	147
17. Связь и разделение.....	154

18. Биография сегодня: отдельный человек и сообщество.....	164
---	-----

Часть 3

19. О случайности и смысле	178
20. Пути к пониманию смысла современных биографий	186
21. Консультационная беседа как биографическая помощь	199
22. Путь упражнений.....	208
23. Подготовка к биографическому консультированию	221
24. К вопросу о правомочности биографической работы	229
Примечания	238

От редакции

Эта книга стала для нашей редакции своего рода вызовом — мало какая другая рождала на своем пути к изданию столько сложностей и кризисов, которые нам приходилось преодолевать, иногда — через конфликты, часто — с переживанием некоего «затора», депрессии и «опускания рук». И всегда продолжение работы, кажущейся бесконечной, требовало «собраться с духом». Это оказалось для редакции примечательным самопознанием, выразившись в вопросе «что не так в нашем *привычном* стиле работы?» Но одновременно всегда оставалось ощущение, что именно с этим текстом и в этом его «преодолении» мы как нигде касаемся чего-то глубоко сущностного.

Матиас Вайс радикально рассматривает биографическое консультирование как поиск причин всякого жизненного кризиса и жизни вообще не в прошлом, а в будущем: не «что привело меня к этому?», а «куда это стремится?» — Поскольку именно так можно уловить действие истинного архитектора судьбы человека — его первообраза.

Он настолько радикально пытается отказаться от всего ставшего и искать становящееся, что это находит отражение и в речи: все непривычные сочетания слов и фраз, которые читатель встретит в дальнейшем тексте и которые редакция пыталась максимально точно передать, — не «корявый перевод». Они настолько же непривычны и в немецком оригинале, будто автор и здесь ставил цель максимально уйти от штампов и всего «привычного», но поймать жест нового.

При этом удивительно то, что тут нет и следа высокомерия или интеллектуальной игры словами: наоборот, с достойной честностью автор отказывается от каких бы то ни было эзотерических спекуляций и всегда, подходя к границам миров, оставляет вопросы открытыми. Это выдает в нем не теоретика, а практика с огромным опытом живых встреч с людьми, ищущими совета в биографических консультациях.

Введение. Об обращении с лабиринтом

Люди пробираются по жизни, в сущности, как по лабиринту — и как-то в конце концов проходят его, однако затем едва ли в состоянии объяснить, как им это удалось. Многие мифы и произведения искусства, кажется, отражают именно такое положение вещей. Существуют произведения, сжимающие эту тему лабиринта в образ, в одну точку. Я, например, увидел особое понимание земного пути человека в фильме Салли Поттер «Орландо» (1992), снятом по роману Вирджинии Вулф.

Безусловно, работа с биографией и биографическое консультирование в наше время — не помощь в том, чтобы лучше пройти лабиринт. Да и что значит «лучше»? Если бы мы шли по нему с планом в руках, не было бы ни освобождения, ни изумления от неожиданности, а одно сплошное планомерное продвижение вперед. Но неожиданность есть то, что дает нам надежду.

Собственно, мы едва ли знаем что-то об этом лабиринте, через который мы пытаемся пробиться — то забавляясь, то в отчаянии, то исполненные сил, то в унынии. Единственное, что мы знаем, — это что он ведет все дальше и дальше. Под этим «дальше» я имею в виду выход из катастроф, поражений, и из счастья тоже — которое, как сформулировал Фрейд, является эпизодическим феноменом. Вопрос, таким образом,

заключается в следующем: откуда мы знаем, что впереди всегда лежит дальнейший путь? Или — что останется, если мы вдруг — в ситуации, представляющейся безнадежной, во время изматывающего семейного кризиса, в состоянии внутреннего одиночества — теряем это знание?

Кто, собственно, конструирует этот лабиринт? Простой ответ: Господь Бог. За годы консультативной практики, когда приходилось советами сопровождать людей в их кризисные периоды, у меня сложилось впечатление, что положение дел гораздо сложнее, причем самым неожиданным образом: это мы сами постоянно по ходу дела выстраиваем лабиринт. Это наше Я. Есть, должно быть, некая незаметная для нашего повседневного Я инстанция, которая, обзревая наше прошлое и наши возможности по отношению к будущему, творит для нас нашу судьбу. Именно потому, что мы сами его строим, мы и знаем всегда, что в нашем лабиринте путь продолжается все дальше и дальше.

Каким образом наше Я — назовем его Высшим Я, так как это явно не повседневное Я, — делает это? Определенно, оно преследует некие цели и задачи, ведет нас ко встречам через разные судьбы, а также через банальности повседневной жизни. Этому Высшему Я посвящена первая часть настоящей работы.

Работа с биографией и биографическое консультирование не исходят из вопроса: «Как Вы хотели бы, чтобы все случилось?» Вы не получите советов, как быстрее или с наименьшими затратами пробраться через лабиринт. У биографического консультирования другая задача. На основе конкретных и насущных житейских вопросов и жизненных кризисов оно может помочь вам освоиться с мыслью, что это мы сами, про-

ходя через лабиринт, конструируем его. Тем самым консультирование может нечто изменить в нашей *отношении*, с которым мы проходим лабиринт, но не в самом факте его прохождения. Так, во второй части настоящей работы мы попробуем на примере некоторых биографических феноменов показать, согласно каким точкам зрения мы строим наш лабиринт. Если это удастся, то в ходе консультации всплывает идея, задающая пространство для действия: идея о том, что конструкция лабиринта исполнена смысла.

В третьей части работы рассматривается, как консультант приходит к пониманию индивидуального лабиринта и как это понимание донести до консультируемого. Для них обоих — и для консультанта, и для консультируемого — речь при этом идет не об интеллектуальной акробатике или скрупулезном психологическом анализе, а о пути упражнений. Консультант, который хочет понять чей-то индивидуальный жизненный путь, идет внутренним путем упражнений; но и тот, кто обратился за консультацией и ищет понимания своего лабиринта, с тем чтобы суметь в дальнейшем активно действовать, а не пассивно страдать, тоже должен идти путем упражнений.

Своим пониманием биографий и жизненных кризисов я обязан людям, которые, ища совета, приходят ко мне на биографическое консультирование. В беседах с ними, если все идет хорошо, рождается элемент удивления. Вдруг открывается панорама кризиса, панорама самого жизненного пути, неосознаваемая до сей поры ни одним из собеседников.

Далее, в своей работе я исхожу из антропософского представления о человеке — насколько я его понимаю. Для меня это наиболее современное и наиболее дифференцированное представление о человеке, вовлека-

ющее его духовную сферу. При этом я чувствую себя обязанным некоторым авторам, свою связь с которыми я всегда ощущаю. У *Рудольфа Фрилинга*, христианского ученого и священника, я учусь точности феноменологического наблюдения и серьезному отношению к «тексту»: в нашем случае биографическим феноменам в их характерных проявлениях. У *Фридриха Вайнреба*, еврейского ученого и математика, я учусь мыслить в том, что лежит «между». Примыкая к каббалистической традиции, Вайнреб вновь и вновь демонстрировал и прояснял действие сферы духовного вплоть до буквального и повседневного, то, как существенное и истинное находится *между* вещами. Что характерно: для того чтобы учиться у Фрилинга, у Вайнреба, а также у других авторов, которых я привлекаю (*Виктор Франкл, Бернард Ливехуд, Ханс Шаудер*), невозможно просто перенять их мышление и работу. Нужно сделать из них что-то свое. И потому настоящий труд, хотя и носит отпечаток мыслей этих людей, является все-таки субъективным, личностным и тем самым односторонним. Он передает лишь мой взгляд на вещи. Это записи из мастерской биографического консультанта.

Поэтому я имею право не брать на себя обязательства полностью раскрыть все. Многие описано неполно. Так, у меня не было потребности приводить по отдельным темам всю литературу, какую только можно по ним прочесть. Например, глава о двойнике раскрывает только один аспект этой темы, имеющий существенное значение в практике консультирования. Само собой, имеет смысл прочесть весь объем того, что можно найти в этой связи у Рудольфа Штайнера и у других антропософских и неантропософских авторов. Характер рабочих отчетов, присущий данной работе,

объясняет также, почему в них отсутствует рассмотрение кармических взаимосвязей. Причина в том, что я как простой смертный не чувствую себя в состоянии оперировать этой центральной темой. Мои возможности видеть здесь заканчиваются. А голое реферирование имеющейся по этой теме литературы показалось мне бессмысленным.

Хочу только упомянуть еще, что другим источником импульса к пониманию человеческой биографии является для меня незамутненный какой-либо искусствоведческой подготовкой анализ произведений современного искусства. Мне кажется, долгие годы занятий произведениями, к примеру, Алексея Явленского, Камиллы Клодель, Белы Бартока, Вильгельма Лембрука дали мне больше для понимания жизненного лабиринта и развития человека, чем изучение психологии. К этому роду плодотворных произведений искусства я отношу и упомянутый выше фильм «Орландо» (акценты в книге Вирджинии Вулф расставлены иначе, нежели в фильме), а также «Бал» («Le Bal», 1983 г.), говорящий о том, как человек на протяжении лет, десятилетий и воплощений загадочным образом остается самим собой — при всем своем прогрессе и при всем своем развитии.

Хочу от всего сердца поблагодарить Дагмар Волер и Уве Майнардуса, которые критически проработали первую редакцию книги и вдохновили вторую.

Матиас Вайс
Ноябрь 1994 г.

Часть 1

Я иду! Я иду!
Я иду сквозь преграды!
Иду сквозь разлуку к тебе
В этот момент единения
Чувствую восторг
Быть здесь, быть сейчас
Наконец я свободен
Да, наконец, наконец
Быть свободным от прошлого
И от будущего, которое манит меня

Я иду! Я иду!
Я здесь!
Ни мужчина, ни женщина
Мы соединены, мы одно
С человеческим лицом
Мы соединены, мы одно
С человеческим лицом
Я на земле
И я в космосе
Я рождаюсь и я умираю

*Салли Поттер,
завершающая песня
из фильма «Орландо»*

1. Элемент будущего в сегодняшних судьбах и биографический кризис

Под каким углом имеет смысл рассматривать биографию человека? Первое, что приходит в голову, — это изучить уже завершённую биографию, к примеру, личности художника начала века, или же разворачивающуюся биографию современника под историческим углом зрения: как все стало таким? Как пришел этот художник к своей манере рисовать? С какими стилевыми направлениями он приходил в соприкосновение, с кем из коллег он сталкивался, исходя из каких личных переживаний он все снова и снова затрагивает в своих картинах определенную тему? Или: как так получилось, что мой сосед так и не женился и живет один в огромном доме? Какой опыт человеческих отношений привел его к такому положению? Как обстояло дело с его родителями? Какой груз отношений оставили они ему в наследство?

Можно было бы спрашивать так. Это будет историческое вопрошание: как случилось, что в моей жизни сейчас все именно так? Вопрошая исторически, мы задаем вопросы о причинах, о цепочках причин. *Почему* все так, как есть? И мы ищем тому причины в прошлом. Одна из главных заслуг психоанализа состоит, несомненно, в том, что он указал на причинно-следственную связь между жизнью взрослого и его детскими переживаниями. В общем-то, это привычный образ мыслей, навязанный отчасти школой — рас-

сма­три­вать ду­ше­вое и меж­че­ло­вечес­кое кау­заль­но-логи­че­ски: *по­сколь­ку* мой отец не при­нимал меня всерьез — я се­го­дня ни в чем не до­ве­ряю се­бе. *По­сколь­ку* худож­ник А два го­да по­се­щал шко­лу худож­ника Б, он раз­ви­вал за­тем имен­но этот стиль жи­во­пи­си.

Од­на­ко в на­шем сто­ле­тии все боль­ше и боль­ше ка­жет­ся, что ис­то­ри­че­ско­го на­б­лю­де­ния уже не­до­ста­точ­но для по­ни­ма­ния че­ло­вечес­кой био­гра­фии. Это кау­заль­ное во­про­ша­ние, этот по­иск при­чин­но-след­ствен­ных це­почек все­гда пред­став­ля­лся чем-то важ­ным и пра­виль­ным. Од­на­ко они спо­соб­ны дать лишь весь­ма ог­ра­ни­чен­ное по­ни­ма­ние то­го, как со­вре­мен­ный че­ло­век ин­ди­ви­ду­а­ли­зи­ру­ет­ся в сво­ей био­гра­фии.

Вплоть до не­дав­не­го про­шло­го био­гра­фии лю­дей — за не­ко­то­ры­ми ис­клю­че­ния­ми, в осо­бен­но­сти лю­дей ис­кус­ства — бы­ли ма­ло ин­ди­ви­ду­аль­ны­ми. Они бы­ли пре­жде все­го ти­пич­ны­ми и пред­на­чертан­ны­ми. Они бы­ли со­всем не при­год­ны­ми к то­му, что­бы ис­кать в них что-то в­ро­де ин­ди­ви­ду­а­ли­за­ции. И по­сколь­ку в ос­нов­ном они бы­ли ти­пич­ны­ми, груп­по­вы­ми, клас­со­вы­ми или сос­лов­ны­ми — то их те­че­ние оп­ре­де­ля­лось про­шлым: взя­ты­ми из про­шло­го цен­но­стя­ми и тра­ди­ци­я­ми. — Ты по­че­му са­пож­ник? — По­то­му что мой отец тор­го­вал ко­жа­ми. — По­че­му ты вы­шла за не­го за­муж? — По­то­му что на­ши ро­ди­те­ли бы­ли со­се­дями и дру­жи­ли.

Коль скоро био­гра­фия «ти­пич­на» и, пре­жде все­го, от нее и ожи­да­ешь «ти­пич­но­го» — то здесь до­ста­точ­но ис­то­ри­че­ско­го рас­смот­ре­ния. Но по­сколь­ку в на­шем сто­ле­тии био­гра­фии все боль­ше те­ря­ют ти­пич­ное и в соб­ствен­ной био­гра­фии все боль­ше ищется ин­ди­ви­ду­а­ли­за­ция, нам тре­бу­ет­ся рас­ши­рить угол зре­ния, если мы хо­тим по­нять от­дель­ные био­гра­фии в их ин­ди­ви­

дуальном оформлении и сопровождать в консультировании.

Работа с биографией и биографическое консультирование последних лет возникли не из желания найти лучшее объяснение для отдельных биографий, но из желания научиться рассматривать их как нечто целенаправленное. Росла потребность в такой точке зрения или позиции, которые позволили бы задать биографии вопрос о ее смысле, сопережить и консультационно сопровождать ее.

Конечно, эта потребность вообще познавать смысл в биографии и уметь вести жизнь в том числе и в соответствии с его пониманием драматичным образом достигает своего апогея, когда человек попадает в личностный кризис, когда он не знает, как быть дальше. Тогда ты ищешь не просто знания, «как вышло так, что мне теперь так плохо?» — но ты стремишься выйти из этого кризиса, хочешь увидеть, что дальше, как он связан с продолжением твоей собственной жизни. Задаешься вопросом о смысле. И потребность в ответе растет неимоверно.

Например, домохозяйка средних лет обращается за помощью с вопросом, который свалился на нее как гром среди ясного неба: может ли она расстаться с мужем, имеет ли право, должна ли? Они поженились в ранней молодости, обоим было тогда по 19 лет. Знали они друг с друга с 12 лет. Все начиналось так гармонично: появились на свет трое детей, чудесные мальчишки. До недавнего времени она полностью отдавалась домашней семейной жизни. Но года два назад в это супружество прокралась внутренняя пустота. В изумлении и тревоге супруги оказались перед лицом того факта, что они не знают, что делать друг с другом. Они начали прямо-таки сходить с совместного пути,

без особенных ссор при этом. — И вот в такой ситуации женщина влюбляется в другого мужчину — тренера одного из своих сыновей, — что совершенно не входило в ее планы, чего она не желала и не искала. Растерянность, страхи, а также проявившиеся теперь страстные желания, с самого начала отравленные угрызениями совести — все это сегодня ей хорошо знакомо. В таком кризисном состоянии она приходит на консультацию, чтобы сориентироваться в этом пункте судьбы, в котором прошлое тонет, а будущее еще неразлично.

Насколько в этой ситуации можно помочь, выработывая лишь каузально-логические объяснения? Допустим, в качестве возможной причины будет обнаружен элемент ненадежности в отношениях маленькой девочки со своим отцом. Достаточно ли будет найти такие объяснения причин, чтобы понять, куда двигаться дальше? Насущный вопрос — не «откуда это?», а «куда это движется?» А также — какое место занимает и какое значение имеет этот кризис в контексте всей совокупности жизненных взаимосвязей человека? Как можно привести эту кризисную ситуацию в согласие со всеми остальными жизненными обстоятельствами? Как можно интегрировать ее во всю биографию? Каков смысл этого кризиса? — Такие вопросы задает женщина о своем будущем.

Многие в наше время ищут консультации в подобных кризисах. Жизненный опыт, который раньше поддерживал, больше не поддерживает; житейские связи, партнерские отношения, профессия, которые годами придавали уверенности и воспринимались как нечто само собой разумеющееся, становятся вдруг чуждыми и неприятными. Во всем этом человек больше не чувствует себя дома. Привычные стратегии преодо-

ления конфликтов больше не работают. Теперь уже недостаточно, как раньше, после каждой ссоры с женой пойти вместе «красиво поесть» в ресторане, а после неудачи на работе «уехать на несколько дней» или обвинить других. Накопленный ранее опыт больше не применим. Это ситуация кризиса. И по отношению к таким переломам, таким кризисам и эскалациям ситуации сегодня требуются такие вопросы: что хочет из этого получиться? куда это хочет привести? что хочет родиться отсюда, что без этого кризиса, очевидно, родиться не имело бы возможности?

Так можно подходить и к произведению искусства, к картине какого-нибудь художника: какой будет его следующая картина? куда он хочет прийти с этим? что он ищет, именно так рисуя эту картину? Каждую картину, да и каждый момент биографии можно рассматривать как ищущее начало — хотя верно и то, что каждая картина и каждый момент биографии означает также и некий конечный пункт назначения.

Современная биография требует именно такой вопрошающей позиции, направленной вперед. Потому что современная биография больше не разворачивается предначертанными путями. Ее нужно все больше брать в свои руки и формировать. Сегодняшнюю жизнь нужно *вести*.

Однако это возможно только если видишь дальнейший путь. Этот взгляд раскрывает вопрос о смысле и содержит момент выпрямления. Задавая вопросы о смысле, направленные в будущее, я вновь встречаю самого себя как активного деятеля. Теперь я выхожу из пассивного страдания в кризисе. Вопрос, обращенный в будущее, позволяет увидеть возможности собственного активного участия в том, чтобы все двигалось дальше. Это момент выпрямления. Напротив, взгляд,

ищущий объяснений, ведет в прошлое к образу самого себя как пассивно страдающего, имеющего «свой удел».

Таким образом, речь идет о том, чтобы, рассматривая современные биографии, выискивать направленный вперед выпрямляющий элемент и учиться вызывать его и апеллировать к нему, если мы желаем научиться сопровождать людей консультациями и советами. Самое важное не в том, чтобы иметь перед собой непрерывную взаимосвязь биографических дат, самое важное — кризисные моменты, поворотные пункты, обстоятельства, в которых необходимо принимать решение, сдвиги, перемены, короче говоря — переходные ситуации в конкретной биографии, если мы хотим увидеть, куда она хочет вырваться. В переходных моментах выражается нечто из того, что еще только хочет прийти к становлению. В переходах всегда следует считаться с тем, что кто-то пытается выпрямиться и дотянуться до самого себя. На миг человек вырастает над самим собой. На миг становится видимой красная нить, смысловая связь, и тогда возникает предчувствие, для чего человек взвалил на себя все эти трудности. В такие переходные моменты может стать видимым нечто от жизненных целей.

В большинстве случаев кризис начинается прямой противоположностью тому, к чему он хочет вывести. Сперва долгое время все идет хорошо. Потом все идет вкривь и вкось. Потом наступает бессилие, элементарное бессилие: человек не знает больше, как все должно идти дальше. Это бессилие перед самим собой. Коль скоро во время кризиса человек все еще злится — на супруга, на детей, на тещу — значит, он не достиг еще той точки, которая здесь обозначена как бессилие. Только когда ощущаешь, что ядром кризиса

Кінець

без

ури

Що

ЧИТ

дал

при

буд

лас

ПОВ

ber

КНИ